

Вот и закончился еще один театральный сезон ТЮЗа. Начинается период гастрелей. Сегодня группа артистов театра выехала в город Чайковский.

За время гастрели коллектив театра юного зрителя встретится также со зрителями Частинского, Осинского, Чернушинского, Октябрьского

НАПУТСТВИЯ ДРУЗЕЙ

Плановые апрельские ТЮЗовские севены в театре собрались его друзья — самые активные зрители. В этот раз они

пришли в ТЮЗ не на просмотр спектакля, а для того, чтобы поговорить о том, что дорого им в работе театра, что

волнует, заставляет спорить, думать. В беседе участвовали руководители и артисты труппы.

И. ДМИТРИЕВА.

Зритель глазами ТЮЗа

МАРИЯ ФЕДОРОВА ЯНУШ:

Театр не может существовать без зрителя в такой же степени, как без труппы.

Спектакль — всегда диалог между сценой и залом. Да, диалог, потому что без ответа, без реакции, без заинтересованности сидящих в зале — нет для тех, кто на сцене, ни вдохновения, ни творческого взлета.

Разговор об этом поведут заслуженная артистка РСФСР М. Ф. Януш, актер С. П.

Петренко, заведующая педагогической частью театра В. С. Острейковская и зав. литературной частью Т. А. Юшкова.

Мне кажется, неразумно считать на шоу все бремя и считанная. Каковы поведение наших зрителей — издержки этой политики. Иравительные качества детей зависят и от того, с кем ребятам приходится встречаться ежедневно, зависят от эстетического и этического уровня родителей, педагогов, просто окружающих. Когда все мы поймем, что в воспитании нет мелочей, отпадет необходимость бороться с проблемой «театр — зритель», и мы и шоу рокики в зале и бедотия в фойе.

СЕРГЕЙ ПЕТРЕНКО, АКТЕР:

И все-таки наш зритель — прекрасный зритель. Меносредственный, искренний... и сложный, едва ли не сложнее взрослых, взыскательный, чуткий, не прощающий фальши. Если во взрослом театре на среднем спектакле реакция зала может быть снижительно спокойной. (Агу, что ж, актер сегодня не на высоте, но это не его вина — драматургический материал подкачал... Оформление могло быть и лучше, но художник предыдущий спектакль оформил замечательно... Мизансцена эта не трогает, но актеры тоже люди, у кого не бывает срывов). У нас такого быть не может. Зал мгновенно почувствует наш срыв и отреагирует на него шорохом, шепотом, шевелением.

Но если театр разговаривает с детьми честно, если актеры выкладываются сполна, играют с

максимальной отдачей, — отклик зала обеспечен. Таким образом, во многом от нас зависит поведение зала, от нашего мастерства, от нашей требовательности к себе.

ВЕРА СЕРГЕЕВНА ОСТРЕЙКОВСКАЯ:

Да, зритель у нас дотошный. Приведу для наглядности такой эпизод: в одной мизансцене актер бросает на пол монетку. Как бы отреагировал на это событие взрослый зритель? — Никак. А наши обязательно пристанут с мест, посмотрят, куда она катится и «направленная ли была денюжка». Тот, кто не приставит, зашикает на злоспящих сцену. То же самое произойдет, если герой на сцене упадет «убитым или раненым». Детская любознательность, непосредственность, искренняя заинтересованность... Хорошо это? Хорошо! Но посмотрите, чем она оборачивается в диалоге «сцена — зал». И режиссеру при продумывании мизансцен приходится учитывать «фактор дотошности», продумывать, чтоб все происходящее на сцене было видно, как на ладони.

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬВНА ЮШКОВА:

А сейчас еще об одной привычке «неоптантичности» сцены и зала. На «Зори здесь тихие» пришли коллективно шестые классы. На сцене — трагедия. Снобosity ли они восприимчивы ее накал? Нет, и еще раз нет! Им рано смотреть этот спектакль. У детей есть истинноживое чувство психической

самозащиты, и оно встает между сценой и залом. И тут актерские ухищрения бессильны.

У нас должна в отношении зрителя соблюдаться четкая возрастная градация. Прежде всего она проявляется в подборе репертуара. Сказки — для начальных классов, спектакли «Будьте готовы, ваше высочество!», «А Воробей стекла не выбивал» — для среднего звена, старшие с с пикам — «Человек со звездами», «А зори здесь тихие», «Обыкновенная история». А как у нас зачастую бывает? Представитель театра приходит в школы, предлагает билеты на спектакль, и там, в школе, они «распределяются» по принципу «лишь бы все сбыть». Идет это от незнания репертуара учителями, от недостаточной их ответственности за эстетическое воспитание подшефных. Ничего, кроме вреда, такая возрастная неразбериха не принесит ни школе, ни театру.

В эстетическом воспитании важна система и я бы сказала «ступенчатость». Вреден зритель, порежковичивший начальными ступенями, не подготовленный к восприятию сложных театралъных форм. Школа должна лучше знать наш репертуар, ибо в ее интересах, чтобы «ступени» вели детей к истинной эмоциональной и эстетической культуре.

В зале произошло какое-то движение, потоп принесся по рядам... Потом за кулисы пришла толпа ребят, и в середине ее двое развалились на сцену по ценам с видом искреннейшего раскаяния: это они, сейчас «обезоружившие» и разоблачившие, и в первое действие «держали нас под объекстром».

На рассказавшего вовсе не следует, что мы ежедневно рисуем жизнью, выходя на сцену, поговорить о культуре поведения нашего зрителя давно пора.

Когда-то в семьях был хороший обычай: на первые спектакли ребенок шел с сопровождающим родителем. Приступать взрослому дисциплинировался, кроме того, взрослый мог своим поведением преподнести урок уважительного отношения к актерскому труду в театру.

Сегодня же на детских спектаклях присутствие взрослого — редкость.

Я, разумеется, не говорю об учителях, приводящих ребят на наши спектакли. Но может ли учитель усидеть за целым классом? Один класс будет в зале и подпевавший жужжит, второй шумит кофетными бумажками, третьему пришла в голову идея толкнуть или уронить соседа, четвертый не знает разницы между театром и стадионом — носится по фойе, вприпрыжку проходит и сидит у меня в зале пахтый... За учителями порой жалко наблюдать.

Молодые классы, август, 1972, Ленинград